

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ
ЖУРНАЛА РУССЛО**

Елена Катрич

Родилась на Украине, долго жила на Дальнем и Ближнем Востоке. Основная специальность биолог. Работала в Институте биоорганической химии Дальневосточной академии наук, потом на кафедре фармакологии Иерусалимского университета. Автор сборника стихов "Счастливейший миг цветного сновиденья", книги рассказов "В сердцевине весны", книги сказок "Эрик, сын крысы", романа "Дом дождя". Дипломант поэтического конкурса "Цветаяевская осень" и Германского международного конкурса русскоязычных писателей "Лучшая книга года 2019". Член Союза Иерусалимских писателей.

От автора

Иногда нам с дочерью Ольгой Шаповаловой удается создать что-то вместе, к тому же она иллюстрировала и некоторые мои книги. Можно сказать, она стала художницей вместо меня. Когда я начала путать свои детские рисунки с ее рисунками, то решила, что пусть хоть она доведет свои способности до нужной кондиции и пойдет учиться по этой части. А моя тяга к рисованию перешла в желание писать. Эта миниатюра – одна из наших работ.

КОГДА КРАДЕТСЯ КО ШКА-НОЧЬ

Как это завораживает – идти по сумеречной дороге на запад! Сумерки – особое измерение, и мне они кажутся куда интереснее ночи. Краткий период, когда между светом и тьмой возникает разлом, а разлом всегда таит в себе какую-то загадку. Не там ли рождаются летучие мыши и ночные страхи?

Вокруг меня – глухой сумеречный свет, в котором любой куст может обернуться жуткой сущностью или еще каким-нибудь опасным порождением сумерек, зато впереди абрикосово дотлевают самая приветливая в эти минуты часть неба. И я продолжаю идти в ту благодатную сторону.

Позади – по-кошачьи крадется ночь, выбирая момент для решительного прыжка, чтобы разом накрыть своей мягкой подушечкой-лапой все окружающее пространство. Мне пора возвращаться. Но пока на краю неба держится эта светлая полоса, жаль поворачиваться к ней спиной, ведь стоит от нее отвернуться – и я сразу же окажусь в темноте. Потому что кошка-ночь совершит свой долгожданный прыжок и завладеет всем небом. Именно тогда и захлопнется таинственный и зыбкий разлом, где живут сумерки.

ВЫСОКИЕ ЦЕЛИ

Прямо напротив почты в тихом переулке – маленький наружный дворик, где растет несколько деревьев и висит гамак. В гамаке целыми днями качается девушка Тося. Забравшись туда с ногами, она сидит по-турецки, демонстрируя всем прохожим безобразные синие панталоны с резинками над коленями и выкрикивая обрывки каких-то фраз. Все, кто ходит на почту, знают, что Тося – местная дурочка, несчастье своей семьи.

– Не смотри на нее так пристально, некрасиво это, она больная! – говорят родители разинувшим рты детям, стараясь поскорее увести их от скорбного зрелища.

Но дети настойчиво оглядываются. Разве не интересно смотреть и удивляться, почему кому-то не стыдно показывать свои штаны, плевать и кричать глупости? Поэтому детей пытаются припугнуть:

– Вот не будешь слушаться, и таким же станешь.

Наверное, Тося уж очень плохо себя вела, потому и превратилась в сумасшедшую.

* * *

Лидия Романовна, а в студенчестве просто Лидочка, мечтала посвятить свою жизнь науке. Окончив биофак с красным дипломом, была автоматически зачислена в аспирантуру. Тема – реликтовые растения Дальнего Востока, а значит – экспедиции в тайгу, романтика походной жизни и еще много всего интересного.

– Что, и семьи тебе не надо, так и останешься ученой дамой? – ехидничали подруги, втайне завидуя такой целеустремленности. Самим-то удавалось выкроить время для учебы лишь в промежутках между сердечными переживаниями.

Ну что тут скажешь этим вечно влюбленным дурам? В жизни должна быть высокая цель, а посвятить себя семье, конечно, тоже неплохо, но это удел обывателей. Детей рожать? Так и вовсе дело нехитрое, но потомство заводят и кошки, а у нас должно быть что-то поважнее, на то мы и люди.

Каково же было всеобщее изумление, когда Лидочка с такой жизненной позицией вдруг вышла замуж, не успев закончить аспирантуры и нарушив собственную четкую программу: диплом кандидата наук, карьера, а потом все остальное? Правда, избранник оказался таким же одержимым ботаником, так что все складывалось гармонично, если бы не одно обстоятельство. Незапланированная беременность.

Уговоры отложить завершение диссертации ни к чему не привели, но все обошлось. Вот только сразу после банкета по поводу успешной защиты случился роддом, и на свет появилась маленькая Тося.

Наконец можно было бы заняться ребенком, семьей, ведь все удалось, все успелось, но Алик, муж Лидочки, получил интересное предложение. Намечалась долгожданная поездка в предгорья Сихоте-Алиня, куда оба давно мечтали попасть, и непременно вместе, а тут грудной ребенок. Родные категорически протестовали: из-за какой-то экспедиции отлучать ребенка от материнского молока?! Да что это, последняя в жизни возможность?

– Вот если бы я так рассуждала, то никогда ничего бы не успела, – возражала Лидочка. – Остается только подытожить лозунгом: «Вся жизнь впереди»!

– Именно так и есть! – возмущенно заметили родственники и решили, что тема закрыта.

Узнать, что молодая мама осталась при своем мнении им пришлось лишь когда, подхватив Тосю и набор пеленок, молодые оказались далеко в тайге.

Ребенок маленький, все время спит, грудного молока достаточно, а пеленки можно и в ручье постирать. Почему не пожить на природе пару летних месяцев? И даже не в палатке – на таежной научной базе есть бревенчатый домик. Вот это романтика, недоступная уму простого обывателя! Да если на то пошло, как же раньше люди всю жизнь проводили в таких условиях, и дети у них рождались?

Наверное, то лето могло остаться в памяти молодой пары, как необычный медовый период, если бы не непредвиденные проблемы. Сначала это были просто бытовые трудности, как отсутствие электричества и невозможность просушить пеленки в сырую погоду, а потом у ребенка вдруг поднялась температура. Простудили? Маловероятно, потому что ежедневные купания вскоре перешли в еженедельные – уж больно хлопотное это мероприятие в таких условиях. Конечно, появились опрелости, но ведь не от них же болезнь?

Пребывание в тайге закончилось для Тоси страшным диагнозом: энцефалит. Да-да, однажды, меняя пеленки, Лидочка увидела в тельце ребенка уже успешшего насосаться клеща, но думать о плохом не хотелось. У взрослых были прививки, но разве с материнским молоком иммунитет не передается? А как же раньше в тайге детей растили?

Тося не умерла, но осталась недоразвитой. Последствия перенесенной инфекции. Что делать со слабоумным ребенком? Лидочка оказалась не готова к такому повороту судьбы. Спасла положение бабушка, взяв на себя все заботы о Тосе, а Лида и Алик продолжили углубляться в недра науки, планируя семью таким образом, что в итоге у них появилось еще двое детей.

К счастью, с этими детьми не случилось ничего непоправимого, кроме одного обстоятельства, сопровождавшего их все детство – вечное отсутствие родителей. По этой причине сначала дети ходили в круглосуточный садик, потом их устроили в интернат, а летние каникулы они проводили в лагере все три смены подряд. Что тут особенного? Родители – люди занятые, у них экспедиции, ученые советы, поездки на конференции, к которым тоже еще подготовиться надо. Это же вам не пьянчужки какие-нибудь. Но по иронии судьбы у детей Лиды и Алика самыми частыми друзьями по несчастью и в интернате, и в лагере оказывались именно отпрыски из так называемых неблагополучных семей, в которых родители тоже были заняты, но совершенно другим.

Лидочка достигла своей цели и стала профессором, уважаемой Лидией Романовной, строгой дамой, на которую студентки смотрели, как из долины смотрят на ледяную вершину скребущей небеса горы.

Можно было надеяться, что в хорошей семье и дети станут такими же усердными, но не тут то было. Про сына не хотелось никому рассказывать, вырос балбесом без царя в голове, хвастаться нечем. Бросил институт и пошел в какой-то сомнительный бизнес. Лучше не задумываться, к чему все это приведет. Дома почти не бывает. А дочка, едва получив аттестат, поселилась у одноклассника, где увлеченно училась у будущей свекрови лепить вареники и печь пироги. Готовились к свадьбе, не утруждая себя добиться родительского

благословения профессорской четы. Слабые попытки Лидии Романовны вмешаться в ход событий привели лишь к неожиданной дочерней отповеди.

– Хочешь, чтобы я жила, как вы?!

Казалось бы, уж кто-кто, но только не увлеченные научной работой, успешные и уважаемые доктора наук должны были услышать эту пренебрежительную фразу. У Лидии Романовны перехватило дыхание.

– Да ты посмотри, чего мы добились в жизни! Дай бог тебе добиться того же!

– А я не хочу ничего добиваться! Даже половины ваших достижений! Будь вы хоть самыми успешными, какая мне-то польза, если вы ни разу со мной не погуляли, не взяли с собой в отпуск?! Я вас вообще почти не видела!

– Да какой отпуск?! У нас с папой были только творческие отпуска...

– Вот-вот! А я хочу нормальных отпусков и чтобы мои дети не видели только мой затылок!

Алик пытался возражать, но вдруг почувствовал, что устал. Вполне возможно, причиной внезапной усталости оказалась неожиданная правота дочери. Да нет, как может оказаться права девчонка, единственным достижением которой был набитый тройками аттестат? Судить родителей, которые всю жизнь увлеченно трудились! Посмотрим, чем сама-то сможет похвастаться лет эдак через десять. От этой мысли стало тревожно и пусто. Э, да так и до депрессии недалеко. А он ее заслужил, депрессию?

Так откуда же эта усталость? От бесконечной гонки за очередным достижением, в которую как-то незаметно превратилась работа? А дома – от запустения, отсутствия вкусных запахов? От пыльных штор, наконец, на которые поглощенная наукой Лидия Романовна редко обращала внимание, будучи выше этого.

А может быть, больше всего он устал от того, что в одном из переулков, где живет его старая мать, сидит в гамаке дурочка Тося, о существовании которой в их доме говорить не принято, как и о том, что станет с ней, когда умрет ее бабушка.

ОФИЦЕР-ХИМИК

– Кто-нибудь видел сегодня химичку? – разнеслось по классу в конце перемены.

Нет, химичку никто не видел, и возникла надежда на отмену последнего урока. Надо сказать, что химичка наша была сильно беременна, а в школе – дикий холод и эпидемия гриппа.

Но сорваться домой с воплями «Ура!» не удалось. Вместо химички в класс вдруг вошел какой-то помятый мужик с сизым носом и заявил, что теперь уроки химии будет вести он.

– Я – офицер-химик! – торжественно довел он до нашего сведения. – Зовут меня Арон Владимирович. Да не Аргон, а Арон!

Для большей наглядности непривычное имя было написано на доске. Затем офицер-химик оглядел присутствующих и поинтересовался:

– А что это вас так мало?

– Нас мало, но мы в тельняшках! – тут же нашлась моя соседка по парте.

– Не в тельняшках вы, а в комбинашках! – пренебрежительно отпарировал Арон, и все заржали.

– Нет, ну а что, вот что у вас там? Чепуха! Поэтому и трясетесь, как бобики. Разве так одеваться надо? Вот, как надо одеваться!

С этими словами офицер-химик рванул себя за ворот застиранной рубахи и явил оживившейся публике полосы настоящей тельняшки. Спектакль начался.

– Господи! Стыд и позор! Кто это пишет формулу серной кислоты с одним атомом водорода? – отчитывал Арон стоявшую у доски толстозадую бестолочь Нинку. – Бедная ваша учительница, дайте ей хоть родить спокойно!- пауза, наполненная хихиканьем класса, - Или что она там хотела?..

На объяснение новой темы Арону требовалось рекордно короткое время. Затем на доску размашисто наносились номера параграфов домашнего задания и подводился логичный итог:

– Ну вот, на этом объяснение считаю законченным. Умные хватают все на лету, им долго разжевывать не надо, а тупицам все равно ничего не вдолбишь.

Потом Арон смотрел на часы и мстительно заявлял:

– Так. До конца урока осталось еще десять минут, но отпускать вас раньше не велено. Значит, буду рассказывать анекдоты.

У Арона было любимое выражение: «Объясняю для особо тупых, как в анекдоте».

– Кстати, а вы знаете этот анекдот из армейской жизни?

К удовольствию Арона никто не знал, и пробел был тут же исправлен.

Идет занятие по изучению устройства оружия. Старшина объясняет:

– Ружжо состоит из дула, приклада и магазина. Пуля, вращательным движением вылетая из дула, летит по невидимой траектории. Есть вопросы?

– Так точно! Что такое невидимая траектория?

– Рядовой Барbosкин, объясняю для особо тупых. Ружжо состоит из дула, приклада и магазина. Пуля, вращательным движением вылетая из дула, летит по невидимой траектории. Ясно?

– Никак нет!

– Отставить, Барbosкин! Что тебе еще не ясно?!

– Что такое невидимая траектория?

– Рядовой Барбоскин, объясняю для дебилов! Ружжо состоит из дула, прикладу и магазину. Пуля, вращательным движением вылетая из дула, летит по невидимой траектории... Опять не ясно?! Барбоскин, ну ты видел когда-нибудь, как комар ссыт?

– Никак нет, товарищ старшина!

– Вот это и есть невидимая траектория!

Однажды утром, деловито войдя в класс, Арон выхватил взглядом среди стоявших учеников ту же Нинку и стремительно выбросил в ее сторону указательный палец:

– Вот! Ты! Почему вчера со мной не поздоровалась?!

– Я?.. Где?.. – растерялась Нинка.

– На улице!

– Да я вас не видела... – проямлила Нинка, тараша на Арона кукольно-круглые глаза.

– Как же, не видела! Да чуть нос об нос не теранула!

Представив, как Нинка, пробираясь в какой-то плотно кишашей толпе, задела своим похожим на клюв носом сизый нос Арона, трудно было не развеселиться.

– А что вы веселитесь? – разошелся Арон, видимо, не с той ноги в то утро вставший. – Вы же ни к чему не приспособлены! Послать вас куда-нибудь, где некому с вами нянчиться, ведь сразу же пропадете!

В своих изобличениях Арон, сам того не зная, подбрасывал нам интересные идеи:

– Знаем мы ваши штучки! Отправляют вас за килограммом колбасы, а вы покупаете восемьсот грамм, вот и денежки на сигареты!

А иногда, развалившись в учительском кресле, благодушно произносил:

– Эх, хорошо мы вчера с шуряком посидели!

За эту четверть мы узнали, что представляем из себя вымирающее поколение разгильдяев и неженков, а из девчонок скорее всего получатся никудышные жены, потому что даже для того, чтобы сварить вкусный борщ, надо знать химию, а мы в ней «не сечем».

После каникул мы собирались продолжить с Ароном дискуссии о нашей никчемности и даже заготовили коварный вопрос. Как же у многих бабушек, не имеющих понятия, что такое валентность или, скажем, галогены, получают такие вкусные борщи? Но Арон внезапно исчез, а вместо него появилась солидная, правильная учительница. И спектакли закончились.

Классной мы все-таки задали вопрос, почему нет Арона, но та, не умея притворяться, замялась и ответила что-то невразумительное, чем только подогрела любопытство.

И лишь после окончания школы нам удалось выпытать педагогический секрет. Оказывается, мы просто не были на одном из школьных вечеров и

пропустили великое зрелище. Говорят, наш офицер-химик там был в ударе и так разошелся, что исполнил какой-то разухабистый танец, который школьная администрация сочла откровенно похабным. Ах, как жаль, что мы не были на том вечере!

АНТОГНИДА

Я ходила по деревенской улице и пыталась найти какой-нибудь двор, где держали корову, чтобы договориться там о покупке молока. В этот колхоз нас отправили оказывать шефскую помощь в прополке свеклы, но после обеда полевые работы прекращались, и каждый проводил свое время как хотел. А я решила воспользоваться удобным случаем, чтобы хоть здесь досыта напиться парного молока, о котором в городе нечего было и мечтать.

Улица была совершенно пустынной, и только маленький барашек настойчиво блял возле высоких ворот одного двора. Наконец какой-то мальчонка приоткрыл ворота и впустил крикуна. Вот туда-то я и наметила обратиться, раз там есть кто-то живой.

Когда я дошла до нужного двора, снова раздалось недовольное бляенье. Ворота открылись, и барашек опять оказался на улице. Я поторопилась окликнуть мальчика, а пока тот бегал в дом за кем-то из взрослых, барашек, видимо, решив, что просчитался, начал проситься назад.

Вышла сухонькая древняя старушенция, подслеповато меня разглядев, ответила, что да, корова у них есть, но надо поговорить с невесткой, и пригласила подождать во дворе. Барашек увязался за нами, однако почти тут же сиротливо встал возле ворот и начал жалобно требовать, чтобы его выпустили на улицу.

– Что-то вашему барашку никак не угодишь, сам не знает чего хочет.

– Наплявать на яво! – ответила мне старуха. – Вот уж Антогнида придет, всем им задаст.

Антогнида? Нечего сказать, ласково бабка невестку свою величает! Может, лучше убраться отсюда, пока не поздно?

«Антогнидой» оказалась вполне добродушного вида женщина лет пятидесяти, высокая, круглая и румяная, как чайная баба, только пышной юбки не хватало.

– Ох, ты мой байстрючонок, скучаешь тут? – обратилась она к барашку и потрепала его по белому каракулевому затылку. – Сейчас водички свеженькой попьешь, а к вечеру и мамка с пастбища прибежит.

Договорились мы очень быстро. Всего литр молока, чепуха, сказала хозяйка. Зовут ее Антониной, а бабку Саввишной. Ну, бабка вообще смешно говорит, что с нее взять? Да хоть горшком назови, только в печь не ставь.

Я старалась подгадать так, чтобы молоко оставалось парным, сохраняя тепло и коровий дух,

поэтому частенько просто сидела у Антонида во дворе и ждала окончания дойки, коротая время за беседами с Саввишной. Надо заметить, что читать бабка не умела, но оказалась весьма занятой собеседницей, и скучать не приходилось.

– Ох, ухайдакалась я сегодня, дошла до продмага, а там хлеба ишшо и не привозили.

– Так что же, бабушка, без хлеба вернулись?

– И где уж мне ждать на жаре-то... Ничего, Антогнида сходит вечером. А я вот гиссировки купила, хочется сладенького. Дак вот и ночью плохо сплю, хомяк замучил.

– Хомяк?!

– Большой такой хомяк-то. Почитай, каждую ночь вылазит из-за сундука, что ли. Шибко громко шаволится да шебаршится, спать не могу.

Я уже знала, что бабка, пока тепло, ночует в летней кухне, и кое-как догадалась, что хомяком она называет обыкновенную крысу.

– Вот ужо кочевряжник-то мой пушай к зиме там рамонты наведет, дак дырку-то и заткнет.

Сына ее, Степку, мужа Антонида, я несколько раз видела. Это ему бабка давала такие пренебрежительные определения, как пустобрех, кочевряжник или даже чертово семя, и если бы она не называла Антонида невесткой, то можно было подумать, что Степка не сын, а зять, к тому же непутевый. По всему было видно, что сын у бабки не в почете, а вот невестку она уважает, хоть и величает Антогнидой. Да и внешне-то пара эта выглядела на редкость несовместимо. Антонида высокая, крупная, а Степка - тщедушный недоросток. Оставалось только диву даваться, как двое таких абсолютно не подходящих друг другу людей умудрились пожениться.

– А он и есть кочевряжник, – разьсняла мне Саввишна свое отношение к сыну. – Ростом-то весь в отцовску родню, у их там все таки вертлявы, одно сказать – никудышна порода. А этот хоть и сморчок, а ить хлебом не корми, дай только покочевряжиться. Иной раз напьется, ну и давай выкомаривать: руками-ногами крендели выписыват, орет, мол, кто в доме хозяин. Я глядь, а уж Антогнида с подбитым глазом, и как только до глаза-то ейного достал? А он, никудышник-то наш, ишь, до чего додумался: на табуретку махоньку таку взобрался и оттуда ей, Антогниде-то как раз в глаз и целит! Энто, значит, штоб сподручней было. А девка-то – чисто золото, спокойна така, ить этто ж надо, дать такому сморчку руками размахаться! Уж я, грешным делом, не знала, как и быть, а тут случай вышел такой. Раз пришел Степка пьяный и давай геройствовать. Ой, расходился, хоть связывай. Я взяла веревку да и прошу Антогниду подсобить мне, думала в подпол посодим, ужо пушай там и орет. Схватила яво, черта, сзади, а он

извернулся да как куснет меня за руку! А Антогнида-то вдруг и говорит: «Не надо, мама, раз так, я и одна управлюсь». Дак ить он, ирод-то этот, табуретку свою нашарил да карабкается на яё, вот страмник, прости, господи! Ну, Антогнида, после укуса-то мояво, шибко, видно, осерчала на сморчка-то нашего да как сгребет яво в горсть прямо с табуретки с эттой!.. С тех пор-от он яе и боится. А пушай! Она баба хорошая, работающая, почитай, што весь дом, все хозяйство на ей. И за мной, старухой, ходит, грех жалиться.

Честно говоря, этот рассказ поднял мне настроение, как фильм со справедливым концом. Я дождалась свою банку с молоком, а Саввишна кряхтя поднялась и, прежде чем попрощаться, сообщила:

– А укус-то этот потом у меня ишшо долго болел.

ДРУГАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Мой муж – персидский еврей, по-русски не говорит, да и вообще, скажу я вам, этот представитель другого мира. Тот, кому приходилось вплотную сталкиваться с носителями другой культуры, знает, что не только языковой барьер бывает препятствием для полноценного общения.

Вдоволь наслушавшись от Моше религиозных историй из Танаха, поучительных рассказов из Гаморы, воспоминаний о родителях и детстве, а также о многолетней врачебной практике, я иногда пытаюсь найти какую-то другую тему для беседы. И, немало удивившись, обнаружила, что несмотря на медицинское образование, у мужа громадный пробел в таких предметах естествознания, как зоология, ботаника и даже география. Значит, в Иране школьников не знакомят с жизнью животных и растений так подробно, как в России? Что ж, судя по поведению местных израильтян, очевидно, что и у них в этой области тоже полно белых пятен.

– Скажи, неужели правда в Сибири бывает мороз тридцать градусов? – ужасается муж с наивностью вечного южанина.

– Конечно, и даже сорок не редкость.

– А зима сколько длится?

– Ну, примерно полгода.

– Как же там люди живут?! Да и звери тоже...

– Люди одеваются тепло. Ну, а звери по-разному. Например, медведи там всю зиму спят, – сообщила я на всякий случай.

– Как это? И не умирают?! Не может быть!

– Ты что же, не знаешь, что такое анабиоз? Ты же врач!

– Ну и что? Я лечу людей, а не медведей.

Я удивилась не меньше. Выходит, что для нас очевидно, для них – открытие Америки. Пожалуй, тут никаких познаний не только о медведях.

– А ты знаешь, что красная рыба, которую вы называете «салмон», в природных условиях каждый год выплывает из моря и преодолевает несколько километров вверх по рекам, чтобы отложить икру?

Наутро бедный Моше сообщил:

– Я сегодня всю ночь не спал, все думал про этого медведя и про рыбу... Каково величие Создателя!

– В таком случае, боюсь, если ты услышишь обо всем, чего не знал, вообще спать перестанешь, – пошутила я.

Однажды я сообщила, что в России во времена моего детства детей пугали Бармалеем, и поинтересовалась, был ли в Иране подобный персонаж.

– Был. Хошпок по-персидски. Мы тогда летом спали на крыше, и некоторые дети так его боялись, что даже старались прикрыть нос. Говорили, Хош

– А нас пугали просто, что Бармалей ворует детей.

– Как, ты говоришь, он называется? Бармадан?

Ну, как всегда, глуховатый Моше отчасти не расслышал правильно, а отчасти сразу же забыл незнакомое слово.

– А ты слышал про тех, кто ночами выходит из могил и пьет кровь? На иврите это «арпад», а по-русски «вурдалак».

– Я знал только, что на персидском это «вАши». Абулак?..

– Вур-да-лак, – произнесла я как можно внятней.

– Какая разница? Неужели вы верите в эти глупости?

– Нет, это просто древнее поверие. А ты боялся бы, если бы такие правда были?

– Я боюсь только Бога, – с пафосом ответил муж. – Кто в Бога верит, тот про такую чепуху не думает.

– А у нас даже один известный писатель написал про человека, который ушел на охоту в такие места, где полно вурдалаков, и наказал семье не впускать его, если он возвратится позже, чем через десять дней, потому что может сам оказаться вурдалаком. А когда он все-таки вернулся вурдалаком, ему удалось обмануть своих домашних и всех перекусать.

– Так им и надо! – вдруг припечатал муж.

– Почему? – изумилась я.

– Потому что они придурки!

– Интересно... А ты бы что на их месте сделал?

– Я бы? Да я бы этого бумбарака так отдубасил!..

Отсмеявшись, казалось бы, вволю, я заметила:

– Что толку дубасить его? Он же бессмертный!

– Ничего-ничего, вот получил бы от меня как следует, тогда бы узнал!

– Его можно убить только специальным колом в

сердце. Вурдалака просто нельзя приглашать в дом... – погибая от смеха, пыталась вразумить я.

– Хватит морочить мне голову! – взмолился муж. – Мне достаточно и того, что я тебя однажды пригласил, а ты еще хуже, чем этот... – вспоминая трудное слово, муж сделал паузу, – ...этот твой... абугузОк!

ТЕНЬ ЯЙЦА

Ну вот, накопилось еще несколько забавных эпизодов из жизни русской жены и мужа родом из Ирана – парси, как здесь их называют. Это люди другой культуры, счесть их мировоззрение слишком примитивным легко и просто, но они-то сами так не считают и – ох, уж это столкновение представлений и убеждений! Оно может стать причиной многих раздоров, если муж мрачный тип, но Моше – чудака и добряка. Он соблюдает кашрут, и я ему иногда сочувствую, ведь столько некошерной вкуснятины на свете! Вот опять не выдержала и купила «Птичье молоко» – коробку с кусочками торта в форме конфет. Что-то новое и на этот раз действительно похоже на непревзойденные конфеты с таким же названием, которые изготавливают только во Владивостоке, по особому рецепту.

Моше подозрительно поглядывает в мою сторону:

– Что это ты ешь?

– Птичье молоко.

– Кошерное?

– Нет, так что даже не пробуй, мне больше достанется.

Я действительно не пытаюсь обманом подсовывать мужу что-то некошерное. Если человек считает, что кошерная еда поможет сбросить здоровье или попасть в рай, пусть верит. Зачем вмешиваться и брать грех на душу? Лежат себе конфеты в коробке, никого не трогают, а скоро от них ничего и не останется.

– Это же вроде конфеты, но почему на коробке нарисована птица? – допытывается Моше.

– Ну не корову же рисовать на коробке с птичьим молоком! Что ты придираешься, хочешь попробовать – бери, мне не жалко. Птичье молоко – великое лакомство, пища богов.

– Мне кажется, птичьего молока не бывает, никогда о нем не слышал, – озадаченно произносит Моше.

– Да ты шутишь?! Конечно не бывает, не смехи людей!

– Тогда как можно торговать тем, чего не бывает? Что за безобразие!

– Вот зануда! Это таких как ты не бывает, вымышленный ты персонаж. Поди найди в наше время того, кто бы сомневался, что у птиц нет молока. Ты что, зоологию в школе не учил?

– Вот как раз учил, и кое-что помню, поэтому и сомневаюсь.

– Очень интересно! Думаешь, бывают млекопитающие птицы?

– Ну, не совсем птицы, а нечто похожее. Кит ведь тоже на вид рыба, так почему не может быть млекопитающего, которое трудно отличить от птицы?

А ведь логично. Конвергенция среди крылатых тоже есть. Например, те же летучие мыши, но их как-то с птицами никто не путает и летуче-мышинное молоко изысканным напитком не считается.

– Просто у меня богатая фантазия, чего не знаю, то могу вообразить, – хвастается Моше.

По гороскопу он Рыба и очень этим гордится после того, как услышал, что Рыбы – обладатели великой фантазии и очень изобретательны. Ладно, здесь он прав, и тому доказательством те выводы, к которым эта самая Рыба умудряется приходить в житейских делах. Другим знакам зодиака и не снилось.

Например, была у нас хорошая сковородка с тефлоновым покрытием. Любому известно, что ее нельзя царапать, но Моше повадился класть туда завернутые в фольгу овощи и на сильном огне долго доводить их до готовности. Всякий раз я приходила в ужас и предупреждала, что тефлон не для этого, ведь полно же старья. И все-таки однажды сковородка оказалась в таком плачевном состоянии, что я схватилась за голову. Что надо было делать, чтобы так ее изуродовать?! Я просто взорвалась:

– Ведь просила же не портить новую сковородку всякими глупостями!

И вот что прозвучало в ответ:

– Но ты ведь говорила, что нельзя царапать это покрытие, а я пользовался той стороной, где его нет!

– Что?!.

– Ну, просто жарил на той стороне, где нет тефлона...

В моих руках был совершенно черный от копоти, сожженный предмет, которому уже все равно, чем скрести по его поверхности. Да, изобретательность – великое дело.

Как-то всю весну под нашими окнами шлялся кот и орал таким дурным голосом, как будто за ним пришла смерть, и вот – в самом расцвете своих кошачьих лет он вынужден проститься с жизнью. На что уж я люблю кошек, но эти неслыханные вопли меня просто бесили. Иногда кота можно было увидеть с балкона.

– Смотри, вон он, вон этот кот! – радостно восклицал Моше, как будто видел хорошего знакомого.

– Тебе-то что, ты глухой, а мне этого кота уже убить хочется, – жаловалась я. – Ходит и орет как потерпевший, вот получал бы затрещину за каждый такой вопль, так быстро бы заткнулся. Нормальные коты так не орут. И чего ему надо?

– Иди скорей, я тебе покажу, что ему мешает! – восторженно закричал Моше. – Я понял, понаблюдал на нем и понял!

Я поспешила на балкон. Внизу, в маленьком палисаднике, давно лежал манекен, выброшенный или забытый нашим соседом, владельцем магазина одежды. Странное место для манекена, даже и старого, но его мочили дожди, он портил вид, но продолжал валяться там долгие месяцы, а сейчас напротив него стоял кот и надрывался воплями.

– Видишь ту голую фигуру под кустом? Это ее он не любит, вот и орет!

– Господи, с чего ты взял?! Какое дело коту до этой «фигуры»?

– Поверь мне, он начинает орать, как только ее увидит. Это случалось уже не раз, подходит к ней – и в крик. Видимо, он ее просто терпеть не может. И правда, чего она там валяется? Надо будет узнать у соседа. Мне она тоже надоела.

Ну что тут скажешь? Можно только веселиться и надеяться, что на основе таких фантастических наблюдений не создаются научные выводы. И все же фантазия – прекрасный помощник в загадочных ситуациях. Взять хотя бы эпизод с таймером для варки яиц.

– Ты сварила мне два яйца?

– А ты хотел два? Что же не сказал?

– Нет, я просто видел, что в кастрюле было два яйца.

В кастрюлю я кладу очень удобный полупрозрачный таймер, повторяющий форму яйца, но муж о существовании такой мелочи не подозревал, а тут вдруг его угораздило взглянуть в сторону плиты.

– Не пойму, что ты привязался? Говорю же – там было одно-единственное яйцо!

– Да как-то странно. Галлюцинации у меня, что ли? Я ведь своими глазами видел, что в кастрюле варилось два яйца...

– Значит, их было два, но одно я припрятала и теперь морочу тебе голову, – выкручиваюсь я, чтобы уберечь таймер от судьбы несчастной сковородки. Кто знает, что с ним случится, когда Моше решит самостоятельно сварить яйцо и, как частенько бывает, забудет кастрюлю на огне на пару часов? Таймеры такие редко продаются.

Да, если тебя уверяют в отсутствии того, что ты видел в здравом уме, с этим трудно смириться. Пессимист может впасть в опасное беспокойство, но я живу с оптимистом. Включив фантазию, он быстро находит успокоительное объяснение и покладисто соглашается:

– А, наверное, там действительно было одно яйцо, а за второе я по ошибке принял его тень...

Марина Стрелкова, кандидат педагогических наук, преподаватель РКИ по специальности русский язык как иностранный, в Сплите живет 14 лет. Особе говорит, что привыкла смотреть на жизнь как на поурочные темы, оценивая важность и нужность каждой из них для общего результата...

От автора.

«Дом, который построил Джек...»! Именно так будет называться моя книга, в которой каждая глава - про мой дом, где мне предстояло ещё пребывать после того, как я родилась 24 июля 1954 года. От меня никогда не зависел выбор дома, кроме моего финального, который построил Джек, а может и не Джек вовсе, а Сэм или Том, или все они вместе, потому что сейчас мой статус - это статус иностранного пенсионера в Хорватии, а финансовое состояние - я собственница квартирке в Ворсинге, недалеко от знаменитого курортного Брайтона в Великобритании. Еще не выплачена ипотека, но уже близится финал.

Этот дом в позапрошлом веке и построил какой-то конкретный англичанин, вложивший свои ценные бумаги в строительный бизнес. Квартирка находится на втором этаже трёхэтажного викторианского дома на берегу Английского канала, по набережной которого я и планирую гулять в милом возрасте, но не далее... Этот дом - наконец, мой выбор, основанный на рекомендациях и советах моих родных и близких. Я благодарна своему партнёру по второй половине моей жизни, который поддержал моё желание гулять в старости по набережной Английского канала.

«Дом, который построил Джек...» - это повесть из 9 глав, в каждой главе будет где-то 5/10 страниц. Я пишу её для нашего большого и задумчивого, мечтательного и очень трудолюбивого семейства.

Сейчас нас, если не считать партнёров каждого персонажа по жизни и по судьбе, - 13 человек. Еще есть израильская ветвь от первой жены моего отца. В Тель-Авиве у него 1 внук и 2 внучки. А нас у него - прямых наследников целых 10!!! А ещё 3 мальчика - это ветвь по линии его сестры Софы: мой двоюродный брат из Новосибирска и его единокровные дети, проживающие в разных городах нашей необъятной Родины.

А мы в десятке - это я и моя сестра, дети сестры - тоже 2 дочки, у каждой по сыну, у меня одна дочка, но у неё дочка и сыночек, и это уже английская ветвь. У старшего правнука моего отца, тоже Александра, растёт Алиса из страны чудес - страны СССР, которая сейчас называется Российской Федерация.

Никто не знает, где ей предстоит жить и где ей захочется жить, и как будет называться эта страна. Но именно она - москвичка уже в третьем поколении.

По праву мой отец мог бы гордиться. Его род обустроился как в Москве, так и недалеко от неё - в его любимой Туле, так и далеко... Везде, где он жил и работал, рождались его дети и рождались его внуки.

Тель-Авив - исключение. Он не был там никогда. Он не хотел быть евреем, но об этом позже. Иногда он был не прав, но он же не знал всё!

...Он не знал, что у его любимицы - старшей внучки Маняши, будет свой домик в его любимой Феодосии, где он первый раз увидел Черное море и полюбил Крым навсегда. И он не знал, что его средняя внучка сделает карьерный рост в любимом им городе Тула и будет отвечать за всю культуру в городе, области и даже в Ясной Поляне перед самим тульским губернатором. И конечно, он не представлял, что его младшая внучка приедет в Англию с одним чемоданчиком, родит там двух деток и останется жить под защитой английской королевы и улыбчивых английских полицейских...

Неисповедимы пути господни...

Почему я пишу повесть, а не роман? Потому что только одна линия сюжета - линия сюжета о моём доме. Вот такую книгу я придумала, и я посвящаю её моим родителям - Шурику Соломонову и Лидочке Шевцовой, моей безответной любви к ним и их запоздалой любви ко мне - младшей...

Лисичанск

Довально капитальная одноэтажка в Лисичанске, Украина

Я родилась в Лисичанске 24 июля 1954 года. На самом деле я хотела родиться раньше, но моя мама всегда говорила Шурику, что не надо спешить, что дети - это бессонные ночи, болезни, пелёнки, старшая вполне безбедно подрастает в квартирке у стариков Соломоновых и молоденькой тётушки Софы, они её балуют и по очереди водят в школу, где в классе висит портрет И.В. Сталина, который обещает безбедное будущее.

Поэтому надо подождать это безбедное, если даже и надо участвовать в его строительстве.

Тогда все участвовали в этом строительстве. НЭП закончился ещё в 29-ом. Но мой дед со стороны папы был электриком - самоучкой в Харькове и имел возможность не строить коммунизм, а ремонтировать утюги, лампы и радиоприёмники. А ещё он придумал духовой шкаф.

Он был настоящим нэпманом - мой дед Ефрем Иосифович Соломонов, потому что всегда работал не на государство, а на семью. Удивительно, что его не объявили врагом народа.

Бабушка Бела Викторовна Файн, в замужестве Соломонова, тоже никогда не строила коммунизм, а была

прелестной еврейской настоящей домашней хозяйкой. То ли она закончила царскую гимназию, то ли не успела, но она была знакома с дворянским кодексом поведения и воспитывала своего старшего сына в духе романтики и офицерской чести 19 века.

С моими родителями вообще все обстояло сложно. Мама родилась в Сибири в селе Кузедеево Красноярского края. Она проводила всё время в школе, там детей воспитывали ссыльные народовольцы и эсеры, оставшиеся в Сибири на поселения и занимавшиеся образованием. После уроков она маршировала под речёвки, строила физкультурные пирамиды, где всегда парила в воздухе с красным флагом на плечах атлетов – сибиряков из старших классов – очень славянская девочка с голубыми глазами. «В здоровом теле – здоровый дух» было написано на школьном плакате. А ещё занималась планерным спортом, хотя моя бабушка, тоже сибирячка по месту рождения, но яростная католичка по вероисповеданию, была против.

Родители встретились во время войны именно в Сибири, но решили попробовать пожить с родными папы в Куйбышеве, где всё семейство (или «кагал», как говорил папа), оказалось из-за войны. После мама и отец отделились. Окончив медицинский институт, мама уговорила отца, они ушли в подвал и мечтали о новом будущем и о самостоятельной жизни. Они не захотели жить в селе Кузедеево, на родине мамы в домике её родителей, но и не захотели жить в «кагале» – в семье родителей моего отца и его сестры – невесты на выданье в Куйбышеве. Но когда мама начала работать, она отдала свою старшую дочь на воспитание старикам.

В их маленькой двухкомнатной проходной квартирке были более сносные условия для ребёнка. А пока мой отец учился, они имели 23 ступеньки вниз в подвал, где все свободное место занимала даже не кровать, а занимал обеденный стол с чертежами студента Индустриального института, и в ящике стола иногда бывали даже деньги, составляющие их семейный бюджет: студенческая стипендия моего отца и зарплата молодого специалиста – врача - педиатра, кем в начале 50-х уже и была моя мама.

Ещё деньги папа зарабатывал по ночам грузчиком. Он сделал специальные козлы, вешал их на спину и так таскал ящики. Руки после ранения на войне висели как плети. Днём папа учился. Такое условие поставила мама – учиться!

Папа поступил в институт поздно в 27 лет в Куйбышеве. Почему его семья попала из родного Харькова в этот город на Волге? Потому что там никогда не было войны. Сначала семья папы (отец, мать и младшая сестра) была эвакуирована из Харькова в Красноярск, а потом уже весь «семейный кагал» во главе с дядей Павликом, отвечавшим за пищевую промышленность страны, переселился на Волгу. Бабушка из Харькова никуда не хотела ехать.

Она получила извещение, что её сын – мой отец, выпускник Ленинградского Артиллерийского училища в сентябре 41-го пропал без вести, и вступила в переписку с Комиссариатом, ждала вестей, не отходила от

почтового ящика...

Потом папа всегда отмечал 19 сентября как день нового рождения. Его подобрала санитарная машина, вывозившая по ночам погибших и раненых под Ленинградом с участка Московского шоссе по направлению Ям-Ижора у деревни Колпино. Немцы по ночам не стреляли... Немецкий порядок... А санитары работали...

Все санитары – и наши, и немецкие! А ночью ещё шло пополнение –наше пополнение, немецкое пополнение: новые солдатики, лейтенанты, капитаны... на место изувеченных и убитых. А следующей ночью опять вывозили погибших и раненых... Мой отец был в их числе....

Но он сумел прийти в себя, нашёл силы даже закричать, когда разгружали машину, где лежали убитые, и санитар удивился, что этот «дохлик» – надо же, живой. Так он оказался в блокадном Ленинграде, в госпитале, который разместили в Михайловском замке. Как там было холодно...

Ему поменяли документы, написали, что он не еврей, а русский, на всякий случай, если Ленинград будут сдавать, и не ампутировали его руки. Он опять вовремя, уже на операционном столе, пришёл в себя, стал кричать, и старый врач пожалел молоденького лейтенанта...

Был первый год блокады, кусочек хлеба, как коробка спичек, и вода, где плавал капустный лист и плавали 2-3 капли подсолнечного масла. В конце зимы его вывезли в Киров. Но ещё долго руки висели как плети, и он всегда ходил в кожаных перчатках. Так и познакомился с моей мамой. Но сначала он нашёл своих в Красноярске, куда они сразу были эвакуированы из Харькова.

Папу не комиссовали, но в связи с состоянием здоровья не отправили на фронт. Он получил назначение в качестве инструктора в Артиллерийскую спецшколу, которая дислоцировалась в мамином селе Кузедеево Красноярского края. Именно такую же спецшколу он окончил в Харькове до войны.

Там учились подростки, это была средняя школа, но с военными предметами, как обязательными. И только потом было Артиллерийское училище в Ленинграде. И сразу после выпуска вместо назначения в Майкоп, где также жил и его дед по матери - ювелир Виктор Файн с сыновьями и невестками, - война, теплушка, Эстония, окружение, прорыв через окружение, где самое важное – тащить на себе пушку через дожди и болота, и вот, наконец, уже настоящая война - защита Ленинграда, можно командовать, и стрелять...

Я ничего не знаю о той войне под Ленинградом от моего отца. Как тащили пушку, знаю, как была блокада. знаю... Ничего не знаю о сентябре 41-го под Ленинградом. И только, когда в последний год в Москве перед отъездом в Хорватию работала в Военном институте с иностранцами и читала военные тексты, прочитала, что в сентябре на защитников Ленинграда с неба упало самое большое количество авиабомб.

Поэтому отец молчал о той войне под Ленинградом. Автоматчики подстрелили его, когда он полз вперёд.

Автоматной очередью в него, в его руки, в которых было по гранате. В каждой руке по гранате. И только одна очередь из автомата... А потом блокада, бесконечное чувство унижения от голода и беспомощности: руки как плети... Но уже верилось, что всё позади, а впереди – конечно, Победа и встреча с семьей в неведомом Красноярске, и любовь... И руки есть, не важно, что как плети. Разработаются...

В Красноярске случилась любовь. «Кагал» потребовал, чтобы он женился. И он женился. В 43-м году родилась девочка Жанна. И тут же он встретил мою маму, студентку медицинского института в Новосибирске. Она приехала в Кузедеево на каникулы к своим родителям. Мама поставила условие: или всё, или ничего...

Мама совсем не была похожа на страстную девочку из свободного и южного города Харькова. Она была сдержанна и недоступна. Ведь она выросла в семье строгой религиозной католички Елизаветы Раковской, дочери ссыльного польского шляхтича. Отец моей мамы – роскошный красавец- хохол Влас Пашенко не имел права голоса в семье. Это был мезальянс, когда Елизавета Раковская против воли семьи вышла замуж за кузнечных дел мастера, который работал в кузнице, принадлежащей её отцу. Влас был незаконным сыном работника в кузнице и только гораздо позже получил фамилию своего приёмного отца Андрея Шевцова.

Елизавета родила ему 5 детей – 3 старших мальчиков и двух младших девочек, она любила этого красавца-богатыря, но всю жизнь мыкала горе. В страшное время Гражданской войны он перестал работать кузнецом и так никем и не стал. На память о жизни в богатом доме бывшего ссыльного дворянина- поляка Иннокентия Раковского – своего отца моя бабушка сохранила платье из коричневой шерсти с вышивкой –рашилье, машинку «Зингерс» и альбом с семейными дагерротипами.

Вот так она и появилась в забытом Богом моём родном Лисичанске и, конечно, со своим красавцем по жизни - моим дедом Власом Андреевичем.

В этом Лисичанске я очень –очень хотела родиться, хотя и на десять лет позже своих сестёр. Пора уж родиться, всё было правильно. В 43-м году вопреки всем законам военного времени мой папа смог приехать в Красноярск и оформить развод с той девочкой из Харькова, с которой его свела её судьба полгода назад и разлучила судьба в образе моей строгой мамы. Он женился второй раз по великой любви – по его любви.

1 октября 1944 года от этой любви и родилась моя старшая сестра. Мои родители очень старались жить благополучно. Мама была очень строга и её условие, когда папа завершил учёбу: никакой аспирантуры и только карьера – абсолютно самостоятельная карьера... Если захотел родиться новый ребёнок, то новому ребёнку нужны новые условия.

В институте папе сказали, что карьера для горного инженера возможна в Лисичанске – городе, где впервые был разработан угольный пласт в середине 18 века, а в середине 19 века брюссельскими инженерами были построены многочисленные частные шахты, и вот

в середине 20 века там есть возможность впервые применить новую технологию подземной газификации угля, как способа добычи газа, так необходимого и для строительства социализма в стране, и для приготовления конкретной еды в отдельно взятой конкретной семье, например, в шахтёрской семье.

Папе обещали домик на семью из 6 человек и приличную зарплату за его звание – звание горного инженера. Сейчас бы его позицию назвали менеджер по развитию бизнеса. В то время они были не нужны. Нужны были исполнители. Есть директор шахты и есть его воля как закон.

А почему семья так динамично выросла до 6 человек в очень короткие сроки? Они же ждали только одного ребенка. Для этого есть как очень личные, так и очень исторические причины. До июля 54-го года, я еще не родилась, но я уже считалась. Меня запланировали, хотя тема семейной репродукции после войны вообще не была актуальна, но в семье, где мама – педиатр, почти гинеколог, планирование семьи имело место быть.

Итак, меня запланировали, потому что умер Сталин, потому что папа закончил институт, потому что ему предложили перспективную работу, потому что старшая дочка выросла и не требовала ухода и, наконец, главное: потому что сибирские бабушка и дедушка решили переехать к зятю.

Они остались без дома. В этом была виновата война. Старший сын бабушки Алексей вернулся из зоны, где отбывал положенные 10 лет, куда его отправили из немецкого концлагеря, когда наши войска освобождали Польшу. Он вернулся не один, а вместе с женой и дочкой. Бабушка с дедушкой оставили им дом в Кузедеево и отправились к своей старшей дочери, у которой было трое детей. Но что-то не сложилось, они приехали обратно и узнали, что дом продан.

Вот такая историческая причина: людям негде было жить, негде было работать, Алексей продал дом и уехал на заработки на Урал в Челябинск.

У бабушки было ещё два сына. Среднего посадили на 10 лет, лишили орденов и медалей в Венгрии за повышенное чувство справедливости и острый язык, в 54-м он ещё сидел, освободили и реабилитировали в 55-м году, папа ему помог с работой, когда уже после Лисичанска, мы жили в Туле. А младший сын пропал без вести.

Поэтому вся надежда у бабушки была на мою маму. Со старшей же дочкой что-то не сложилось. Итак, я очень хотела родиться и, самое главное, я могла родиться - меня запланировали. Но не учли расположение звёзд. Метеорит не упал, упала звезда и родилась девочка... Это была я!

Сначала мама очень терпела. Она не хотела идти в больницу имени 10-летия Октября, потому что уже была наслышана про антисанитарные условия от своих коллег из детской больницы. И она не хотела будить папу. Он не занимался подземной газификацией угля. Он был мастером, ходил в непромокаемом военном плаще и сапогах-гавнодавах, руки уже не висели как плети, он разработал их, когда еще был студентом и

разгружал баржи на Волге. Он легко мог пустить руки в дело, если надо было постоять за дело, работал по 12 часов, ругался с начальством и подчиненными и писал бесконечные заявки на то или другое свое изобретение. В моде был ударный труд и стахановский подход.

А ночью он спал. Ему, правда, дали домик на семью из 6 человек, и у него был свой угол с койкой. Я очень сильно хотела родиться, но мама терпела до последнего, она решила разбудить папу, когда уже не было сомнения.

Они шли по пустому ночному Лисичанску, над городом в небе плыла равнодушная луна, мама думала, что это самая бесконечная дорога, я тоже так думала. Я была очень сильной девочкой и тоже терпела, как могла. Уже потом, когда я стала большой, мама сказала, что я родилась сразу.

Папе тоже сразу сообщили, что я родилась. Ему сказали, что родилась девочка. Луны уже не было. Было солнце, летнее и степное. Рано утром пришла бабушка и принесла дикие абрикосы. Мама их не ела, а я лежала рядом и жмурилась от их янтарного цвета. Поэтому я люблю абрикосы и все оранжевое. Но было очень жарко. У мамы была температура. Вечером пришёл папа, он написал расписку и нас отпустили из Больницы имени 10-летия Октября под эту расписку.

Я не помню дом в Лисичанске. Если бы мой папа не сражался за новую технологию с местной бюрократией, наверное, мы бы не уехали из этого Центра угольной промышленности.

Кто знает, может быть, вот таким был мой первый дом, как на фотографии из интернета... Я не знаю, кто на фотографии, наверное, это могли быть соседи моих родителей или их дети. Но я знаю, что для моих родителей это была очень нелёгкая жизнь, когда под одной крышей собрались люди, которые плохо знали друг друга.

Бабушка и дедушка почти совсем не знали моего папу и мою старшую сестру. Моя мама знала всех, но она совсем не знала меня. И она очень болела! Папа плохо знал бабушку и дедушку, плохо знал свою старшую дочь, потому что она выросла у его родителей и у его сестры, и у него не было сил и времени познакомиться со мной. Он был буровым мастером в эпоху строительства коммунизма.

И только мама хорошо знала всех нас. Но она болела. Мариной меня назвали первый раз в телеграмме. Родители получили телеграмму от тёти Софы, и она писала: «Поздравляем с днём рождения дочери. Назовите Мариной!».

Меня назвали Мариной, а через два месяца моя мама уже вышла на работу. Поэтому меня нянчила моя бабушка и старшая сестра. Старшая сестра катала коляску, а вокруг бежали шахтёрские мальчишки и дразнились: «Мыла детыну спородыла!».

После жизни у бабушки, дедушки и тёти Софы в городе на Волге, в Лисичанске ей не нравилось: маленькая река Северный Донец. Одна –единственная Центральная улица, чёрные терриконы и самое ужасное – вечный траурный марш, когда хоронили шахтёров .

Мила была очень начитанной и образованной девочкой, ей не нравился неправильный русский, на котором говорили её сверстники. И ей нравилось играть самой во дворе. Поэтому на улице Мила часто резко тормозила коляску на полном ходу, бежала обратно, коляска вкатывалась во двор и на вопрос бабушки: « Хорошо погуляли?» в ответ были слёзы.

Но в доме был двор. Во дворе было всё, как положено: фруктовые деревья, огород, кошка, собака и даже куры. Однажды дедушка сделал вишнёвую наливку, и выбросил пьяную вишню куда-то в угол, курицы с удовольствием наклюкались и легли спать. Бабушка подумала, что они одновременно скончались, но когда она решила ошипать одну из них, та в панике бросилась удирать. От бабушкиного крика другие тоже очнулись. Потом все смеялись.

Я очень любила, когда все смеялись. Так было по праздникам. Мой первый праздник в жизни – 1 ноября 1954-го года. Мы все пошли на демонстрацию. Даже я в коляске. А моя бабушка –в моём любимом коричневом платье. У всех были в руках шары и флажки. Городской оркестр играл совсем другую музыку, чем я привыкла. Папа купил всем мороженое, даже мне дали попробовать, а себе – рюмку водки в буфете в местном парке. А потом в толпе мама и папа танцевали на улице. Они танцевали фокстрот под «Рио-Риту». На окне соседнего дома на первом этаже стоял патефон и звучала музыка на всю улицу. Я была очень счастлива.

И ещё одно счастье: очень скоро после праздника папа сказал, что мы собираем вещи и едем в Тулу добывать подземный газ. Начальник так устал от его изобретательских менеджерских идей, что взмолился в ГЛАВКе - Главном Комитете угольной промышленности - убрать этого молодого и перспективного куда-нибудь, где полным ходом идет внедрение новой технологии подземной добычи газа.

Мама называла папу Шуркой, сестра смеялась, папа пел песню «Жили –были два громилы» и кружил Милу в каком-то непонятном танце, даже бабушка-католичка улыбалась, а дедушка побежал и купил бутылку водки. Конечно, бабушка ее забрала и сказала, что она вернет ее только в Туле.

Мне понравилось слово «Тула» Я не умела еще говорить, я только повторяла: «ла-ла-ла...» . Я думаю, что моё первое слово было «Тула», потому что на первом году моей жизни родители говорили только о Туле...

А вот слова моей первой песни и, кроме колыбельной «Не ложись на бочок», я помню её.

Жили –были два громилы

Дзынь –ля-ля, дзынь –ля-ля!

Один я, другой Гаврила!

Дзынь –ля –ля, дзынь – ля-ля!!!

И колыбельную песню, и эту блатную песню можно найти в интернете. Мне кажется, что песню о двух громилах я любила больше...

Ирина Хугинец. Одноклассник

Гормональный фон 7-го класса зашкаливал. Учиться не хотелось. В школу бежали увлечённо барахтаться в нахлынувших волнах новых чувств.

Мальчики дружили группами, а девочки маленькими щебечущими стайками. Меня и ещё трёх одноклассниц сплотила любовь к двум девятиклассникам. Причём математическое неравенство нас вообще не беспокоило. На всех переменах мы крутились возле класса, где учились наши любимые и были на вершине блаженства, если кто-нибудь из друзей, а они всегда были вдвоём, оборачивался на наше глупое хихиканье.

Классная руководительница пыталась вернуть страдающих любовью учеников к учёбе. Она рассадила подростков, определив на свой опытный взгляд симпатии, чтобы на уроках мирно млели, а не вертелись как поджаренные. Моим соседом по парте оказался, наверное, самый скромный одноклассник. Тихий, невысокий и белобрысенький. Не щипал, не толкал, не вырывал портфель, чтобы нести до дома и прочие знаки внимания детской влюблённости не оказывал. Поэтому было неожиданно, когда он появился в классе со значком, на котором красовалась моя мордаха. Самокритичный подростковый максимализм не дал по достоинству оценить такой поступок. Я негодовала. Где он взял эту фотку? Как я плохо выгляжу! Но какое-то маленькое зёрнышко приятности всё-таки запало в душу. Долго на эту тему не размышляла, так как были дела поважнее: мы с подругами коллективно страдали от безответной любви к старшеклассникам.

После восьмого класса я поступила в училище в другом городе и мои любовные увлечения остались в стенах школы, как, впрочем, и детство.

Наш мир есть плод Высшего Замысла

Жанр интервью в журналистике подразумевает литературное изложение беседы журналиста с человеком, мысли, комментарии или пояснения. Это совместное творчество журналиста и человека, дающего информацию.

Интересно рассказывать о жизни известных личностей, сообщать об их планах, творческих успехах и достижениях, говорить о предстоящих событиях или обсуждать уже произошедшее, но и узнать мнение собеседника об актуальных вопросах жизни общества. С этой позиции особо интересны писатели, ведь их творчество - это уже одно большое интервью на волнующие нас темы.

Существуют **интервью-диалог** – разговор с одним человеком по схеме «вопрос-ответ» и **интервью-монолог** – журналист ставит вопрос, задаёт тему, а собеседник рассказывает. Предлагаю вам новую разновидность интервью – компиляция или разговор журналиста с опубликованным текстом даже тогда, когда автора уже нет в живых.

Попробуем пофантазировать и сделать интервью на основе цитат и высказываний, которые можно найти в книгах писателя, ибо, по моему убеждению, это самые

Вернувшись дипломированным специалистом, зажила обычной жизнью – дом, семья, работа. Однажды, возвращаясь с работы, слышу за спиной знакомый голос:

- Девушка, разрешите Вас арестовать!

Оборачиваюсь, а это мой сосед по парте. Только уже высокий и симпатичный блондин в форме защитника правопорядка.

- У меня двое детей. Девочка и мальчик, - сообщаю о важных событиях в своей жизни.

- И у меня двое. Девочка и девочка.

Пока я с ним разговаривала, лёгкое и необыкновенно приятное чувство наполнило мою душу. Потом, когда иногда случайно встречались в городе, всё время как будто лучик тепла из детства возвращался.

Моя судьба сложилась так, что я уехала в другую страну. Он тоже с семьёй переехал в краевой центр. Жизнь шла своим чередом. Дни рождения постепенно стали не радовать, а пугать своей цифрой.

В одно прекрасное «пугающее» датой утро зазвонил мобильный телефон. По номеру вижу – из России.

- Здравствуй, соседка по парте! С днём рождения!

- О! Здравствуй, Пётр!

- Как дела?

- У меня внук. А как ты?

- А у меня внучка и внучка.

- Мне приятно, что ты меня поздравил!

- А мне приятно, что ты сразу узнала меня по голосу.

Как же не узнать голос детства!?! Голос первой, очень далёкой, но такой светлой и чистой любви, которая до сих пор согревает моё сердце.

сокровенные его мысли и правдивые ответы на вопросы.

В моём «интервью» цитаты и афоризмы, которые описывают позицию автора, разбросаны по его произведениям, а косым шрифтом идут предложения, которые являются по сути связующим звеном между вопросом и ответом по принципу «а могло быть и так».

Мне стало интересно собрать хотя бы некоторые из высказываний (собрать все просто невозможно) и оформить как вымышленное интервью. Возможно у читателей появится желание прочитать книги, из которых взяты «ответы» целиком.

Сразу оговорюсь, интервью я «брала» только у писателей-диссидентов или эмигрантов. Они мне особо интересны, ибо режимные писатели. Как сказал мой первый гость Владимир Войнович *«Есть много вещей, которые я сам бы не делал, но не осуждаю тех, кто делает».*

Первым в мою «виртуальную» гостиную пришёл Владимир Николаевич Войнович. Пришёл, можно сказать, не случайно. Так как большинство материалов в журнале так или иначе связано с Хорватией или Югославией, я прочитала, что его фамилия связана со знатным родом сербских князей Войновичей (Видак

Вуйнович / «Вой(и)новичи — Вуй(и)новичи: от средних веков до наших дней» (1985)). Правда, сам писатель утверждал, что «Гордиться своими предками так же глупо, как и своей национальностью, но знать свою родословную, если есть такая возможность, по крайней мере, интересно».

Кстати, Александр Твардовский произносил его фамилию именно на сербский манер Войнович.

ИТАК:

Владимир Николаевич Войнович — писатель, драматург, поэт и живописец, хотя как к художнику относится к себе с иронией. Свободолюбивый взгляд будущего литератора на мир сформировался в раннем детстве.

Уже тогда он понял, как много несправедливости в жизни. Родился в семье интеллигентов в 1932 году. Отца в 1936 посадили на 5 лет по доносу сослуживца за выдуманное преступление, к счастью — не расстреляли.

Трудное довоенное детство, затем война. В поисках лучшей жизни, или просто куска хлеба, после войны семья Войновичей на одном месте не сидела: жили в Ставропольском крае, в Куйбышевской, затем Вологодской областях, в Запорожье, в Крыму и в Москве. Чтобы прокормиться, Владимир кем только не работал: пастухом, столяром, плотником, слесарем, механиком. В вечерней школе учился от случая к случаю. Из десяти лет, в школу ходил всего пять, хотя для того времени это было нормой. Полтора года учился в институте.

Стихи сочинять начал в армии, но не печатался. Известность принесли стихи о космонавтах «Четырнадцать минут до старта», ставшие песней. Эту песню знала и пела вся страна, а космонавты считали своим гимном. С 1961 года он начал с одержимостью писать прозу, и его начали печатать. Много печатать. В 1962 его приняли в Союз писателей СССР. Но Войнович не только писал, а начал активно участвовать в правозащитном движении. Этого власть простить не могла, и начались преследования. Сначала уговоры в КГБ, потом едва не отравили, затем исключение из СП и, как итог, выдворение из СССР и лишение советского гражданства.

Двенадцать лет писатель Владимир Войнович жил вне СССР. Писатель-реалист изображал жизнь, как она есть. За границей печатался тоже много, но по Родине тосковал и мечтал вернуться. В 1990 году его мечты воплотились в жизнь: Войновичу возвращено гражданство, он вернулся на Родину. В последние годы жил в Москве, но не всё было так просто. Обиды на Россию не было, но было отвращение и неприятие к Советской власти и непростые отношения с властью, её унаследовавшей. Был членом русского ПЕН-клуба, но вышел из него в декабре 2016.

Скончался в 2018 на 86-м году жизни, а на его могиле установили скульптуру героя его романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина».

Владимир Николаевич Войнович - один из лучших людей России. Он из той когорты мыслящих людей, которых так мало на русской земле.

Вопрос: То, о чём Вы пишете, каким-то образом простирается из Вашего личного опыта?

Искусство не отражает жизнь, а преображает. Я рассказываю только о том, что сам видел своими глазами. Или слышал своими ушами. Или мне рассказывал кто-то, кому я очень доверяю. Или доверяю не очень. Или очень

не доверяю. Во всяком случае, то, что я пишу, всегда на чём-то основано. Иногда даже основано совсем ни на чём. Но каждый, кто хотя бы поверхностно знаком с теорией относительности, знает, что ничто есть разновидность нечего, а нечто это тоже что-то, из чего можно извлечь кое-что. А, как показывает исторический опыт, именно абсурдные или даже, сказать точнее, идиотские идеи как раз легче всего овладевают умами масс (Москва 2042).

Вопрос: откуда Вы берёте замысел Ваших произведений?

Наш мир сам по себе есть плод Высшего Замысла. Бог замыслил этот мир, населил его нами и рассчитывал, что мы будем жить в соответствии с Замыслом. Но он не наделил нас способностью к пониманию Замысла, и мы стали вести себя не по задуманному, а как попало и даже вышли из-под контроля. То же самое происходит с писателем. Он создаёт воображаемый мир, населяет его своими героями, ждёт от них определённых поступков, а они начинают вытворять чёрт-те что и в конце концов искажают то, что было задумано. Возьмём к примеру моего героя Чонкина.

Я, автор..., должен признаться, что нигде я его не видел, выдумал из своей головы и вовсе не для примера, а просто от нечего делать. «Допустим, это так, — скажете вы недоверчиво, — но зачем же выдумывать! Неужели автор не мог взять из жизни настоящего воина-богатыря, высокого, стройного, дисциплинированного, отличника учебно-боевой и политической подготовки?» Мог бы, конечно, да не успел. Всех отличников расхватали, и мне вот достался Чонкин. Я сперва огорчился, потом смирился. Ведь герой книги, он как ребёнок — какой получился, такой и есть, за окошко не выбросишь. У других, может, дети и получше, и поумнее, а свой всё равно всех дороже, потому что свой. (Москва 2042).

Вопрос: отношения с советской властью у Вас были не простые. Вас раздражала несправедливость, которую Вы, в частности, описываете? Не проще ли было плыть по течению?

Я давно примирился с мыслью, что справедливости нигде нет и быть не может, но нормальное человеческое общество не может не считаться со стремлением к ней. Поэтому справедливости нет, но для того, чтобы общество мирилось с несправедливостью, она не должна быть вопиющей и слишком бросающейся в глаза. Советский режим 70 лет просуществовал кроме всего на том, что поддерживал в обществе иллюзию равенства. Равенства в скромности условий быта и потребления. Большинство советских людей были приблизительно равны, живя на сравнительно скромную зарплату, в весьма стеснённых жилищных условиях, долгое время в коммунальных квартирах (одна семья — одна комната) и высшие зарплаты не сильно превосходили низшие. В середине пятидесятых годов партия решила улучшить жилищные условия народа. Началось массовое строительство дешёвых домов. Многие люди переселялись в отдельные квартиры, но и тут для большинства соблюдалось относительное равенство. Каждый человек имел право на определённое количество метров, и для большинства переход за эту норму был невозможен. Но, разумеется, была категория людей, наиболее ценимых государством. Представители высшей партийной номенклатуры, государственные чиновники, многозвёздные генералы, особо отличившиеся в прямом услужении государству деятели искусства и учёные с допуском к особо охраняемым государственным

секретам. Эти пользовались благами, недоступными всем остальным гражданам, но и их привилегии, во-первых, скрывались, а во-вторых, кажутся жалкими по сравнению с привилегиями тех, кто приближен сегодня к особе Первого лица. (Иванькиада)

Вопрос: на заседании парткома Вас разбирали, и кто-то (причём совершенно искренне) сказал, что нельзя высмеивать народ. Судя по всему, Вы не вняли увещаниям...

Народ — это большая масса людей, в общем довольно неумная, которая никогда ни в чём не разберётся. В лучшем случае доверит разбирательство отдельным умным, которые свои умы направляют на то, чтобы оставить народ в дураках.

Даже у самого развитого животного не хватает ума, чтобы совершать такие глупости, на которые способен человек. Человек бывает глуп сам по себе, но совокупность человек, называемая народом, бывает ещё глупее, что подтверждено историческим опытом. Народ бывает глуп, неправ, покорен, пассивен и агрессивен и при этом не в меру доверчив. Вера его безгранична и своеобразна. Ещё недавно народ наш был в массе своей атеист и верил, что бога нет. Верил в коммунизм и надеялся: для внуков на райскую жизнь, а для себя — на снижение цен, повышение пенсий и улучшение жилищных условий в пределах коммунальной квартиры. С обменом меньшей комнаты на большую. Пожалуй, нет на земле народа, который сравнится бы с нашим в способности годами, а то и столетиями надеяться и терпеть то, что с ним делают. Он терпел татарское иго, крепостное право, коллективизацию, электрификацию, пятилетки, сроки за колоски, расстрелы за анекдот, заградительные отряды, перестройку, ваучеризацию, теперь терпит властную вертикаль, малые пенсии и высокие тарифы на ЖКХ. И так он долго и покорно терпит всё, что у тех, кто испытывает его терпение, сложилась устойчивая уверенность, что этот, как они говорят, пипл схавает всё.

И вообще, что такое народ? И есть ли вообще разница между народом, населением, обществом, толпой, нацией или массами? И как называть миллионы людей, которые восторженно бегут за своими сумасшедшими вождями, неся их бесчисленные портреты и скандируя их безумные лозунги. Если ты хочешь сказать, что самое лучшее, что есть среди этих миллионов, — это и есть народ, то тогда ты должен признать, что народ состоит только из нескольких человек. Но если народ — это большинство, то я тебе должен сказать, что народ глупее одного человека. Увлечь одного человека идиотской идеей намного труднее, чем весь народ. Как показывает исторический опыт, именно абсурдные или даже, сказать точнее, идиотские идеи как раз легче всего овладевают умами масс. (Москва 2042)

Я видел много народов, у которых правители постоянно спрашивают разрешения на всё. А те, у которых не спрашивают, их и народом называть вряд ли стоит. (Малиновский пеликан)

Вопрос: значит, ситуация безнадежна?

В истории все же бывают моменты, когда даже самый покорный пипл не оправдывает возложенных на него ожиданий. Есть, как мы знаем, сосуд, который называется чашей терпения. У нас он наполнялся долго и постоянно. Всякую дрянь в него вливают ведрами, бочками и цистернами, а в чаше все ещё место остаётся для новых ёмкостей. Так вот, все привыкли, что чаша

сия бездонна есть. Хотя находились прозорливые люди, которые предупреждали вливающих — смотрите, мол, ребята, умерьте усердие, доходит уже до краёв. Но те, кого предупреждали, не видели, что дела в пределах нашей территории и настроения в обществе дошли до такого состояния, что любое незначительное событие могло вызвать недовольство народа и даже гнев, и тогда происходит то, чего лучше всё-таки как-нибудь избежать. Событие может быть любое, самое чепуховое. Допустим, обвалился какой-нибудь ветхий дом престарелых. Или кто-то отравился просроченными консервами. Или провалился в открытый люк. Или сломал ногу на обледеневшем тротуаре. Или плата за коммунальные услуги повысилась на один рубль. Или выключили горячую воду не на три недели, а на четыре. Любая ерунда может вдруг стать той самой последней каплей. (Фактор мурзика)

Вопрос: С народом понятно. А как обстоят дела с отдельно взятым человеком?

Человек избегает возможности услышать правду о прошлом и настоящем, хотя подозревает, что она есть — и не такая, как ему говорят. Но при этом предполагает и то, что, если он эту правду узнает, ему станет жить беспокойно и неудобно, страшно, или совестно, или и то и другое. Это знание приведёт его к опасным вопросам, которые он задаст себе или власти и сравнит то, что он узнал, с тем, что ему говорили и что утаивали. И тогда перед ним возникнет выбор: несмотря на знание, которым он овладел, жить, как раньше, лгать самому себе, терять к себе уважение, считать себя тварью дрожащей, бессовестным человеком или решиться на какие-то высказывания или действия, которые в стране ничего не изменят, но ему и его семье принесут много неприятностей, а то и несчастий.

(Малиновский пеликан)

Вопрос: как Вы относитесь к известной теории славянофилов, что у России свой путь?

Сколько живу, столько слышу об этом самом особом пути. Семьдесят лет шли особым путём, отрицая Бога. Теперь опять свой путь с иконами, хоругвями, песнопениями и Богом — Отцом, Сыном и Духом святым.

Советская власть давно кончилась, а символы её сохраняются в неприкосновенности, как будто кто-то всё ещё надеется (и кто-то в самом деле надеется), что она вернётся обратно. В стране, которую её лидеры представляют теперь как оплот православия, наиболее почитаемым покойником является главный безбожник, беспощадный враг религии, разрушитель церквей и церковных святынь и убийца тысяч священников (Ленин). Его памятники до сих пор стоят во всех городах и пылятся, обсиженные голубями, на всех привокзальных площадях России. Его имя ещё носят главные улицы и центральные районы почти всех городов.

И прав был некто Корней Чуковский, когда-то заметивший, что Россия — это такая страна, где надо жить долго. В других странах это необязательно. В другой стране пожил немного, построил дом, родил сына, посадил дерево, принял участие в выборах, ну и хватит, уступи место другим. Потому что там, сколько ни живи, ничего интересного не дождёшься. Даже во власти. То левые правят, то правые левят, а в чём разница? А ни в чём. То ли дело у нас. Один как взберётся на вершину, так ни за что оттуда не слезет. (Малиновский пеликан)

Вопрос: как Вы думаете, почему многие стремятся уехать из России?

Отвечу словами моей героини Маргариты Максимовны.

Было время, она, как все думающие свободолюбивые люди, мечтала о том, что когда-нибудь, может быть (в это всерьёз никогда не верилось), наступит в России время, когда, по Пушкину, темницы рухнут и свобода нас примет радостно у входа. Но оказалось, что всё не так просто. Свобода наступила, и десятки тысяч людей, не веря в её надёжность, вместо того, чтобы укреплять её здесь, ринулись к выходу, точнее, вылету из страны, искать надёжную свободу там, где она уже есть, где за неё боролись и её добились другие. Если бы все эти люди оставались на месте и боролись за свободу внутри страны, то, возможно, чего-то все вместе смогли бы добиться. В девятнадцатом веке прабабка Маргариты Максимовны по материнской линии, Вера Любатович, молодой девушкой уехала в Цюрих учиться медицине, но увлеклась, как и её друзья, марксизмом. Не доучившись, вернулась в Россию и за свободу боролась здесь. Здесь в борьбе за свободу готова была жертвовать собой. И не собой тоже. К чему это в конце концов привело страну и их самих – другое дело, но побуждением к действию был Веры и её товарищей искренний самоотверженный порыв к свободе, равенству и братству. Теперешние же вольнодумцы жертвовать собой не желают и вместо того, чтобы бороться за свободу на месте, стремятся туда, где им её преподносят задаром, в пакете вместе с социальными жильём, бесплатной медициной и продовольственными купонами. Людей за это можно осуждать, а можно и понять. Разочарование в революции, её последствиях и сознание того, что в результате революции плохой режим заменяется ещё худшим, распространилось широко и на десятилетия, став для многих людей аргументом против какой бы то ни было общественной активности. *(Фактор мурзика)*

Вопрос: Вы не пожалели, что вернулись в Россию? Вернее, правильно было бы спросить, Вы довольны тем, что здесь увидели?

Вернувшись, я задумался о культе новой личности, который зарождается на моих глазах. Вспомнились девяностые годы, которые для кого-то были лихими, а для меня годами больших надежд. Надежды, кроме всего, на то, что ненавистный режим рухнул, а с ним ушли в прошлое его пороки и среди них склонность людей к созданию новых культов. Но время надежд сменилось временем смутным. Война на Кавказе, взрывы домов в Москве, убийства политиков, журналистов и бизнесменов. Всё это принесла с собой объявленная свобода. Одни воспользовались ею и рванули на Запад. Другие увидели, что в родных пределах есть чем поживиться, и поживились. Немногие пытались воспользоваться выпавшим для России шансом превратить Россию в свободную демократическую страну европейского типа. Одни гибли, другие богатели, третьи нищали. Раздувались и лопались репутации. Потом обыкновенную демократию перестроили в вертикальную и суверенную, все богатства земли распределили между своими, но какие-то куски кидали народу, и тот с благодарностью это, говоря по-нашему,

хавал, полагая, что, имея такое питание, всякими глупостями вроде свободы и демократии можно и пренебречь. Замечу попутно, что свобода поначалу кажется хорошим обменным товаром. Сначала её меняют на еду, потом на то, чтоб всегда было не хуже, чем сейчас (стабильность), потом на безопасность и только потом-потом оказывается, что нет ни еды, ни безопасности, ни стабильности, ни свободы.

И кто виноват, что при таких богатствах народ этой страны живёт в бедности и унижении? Власть, которая позволяет разворовывать эти богатства и сама участвует в разворовывании? Народ, который позволяет так с собой обращаться? Где такое видано, что двадцать три миллиона жителей страны из ста сорока живут за чертой бедности?

Вы вот все кричите: народ бедствует, а он не бедствует, он просто живёт скромно, как привык. Хлеб, картошка, солёный огурчик, бутылка с полочки, ему ничего больше не надо. Ему лишь бы войны не было.

Один мудрый американец говорил, что можно долго обманывать немногих людей, можно недолго обманывать многих, но нельзя бесконечно обманывать всех. Он ошибался. Наша практика показала, что всех как раз можно обманывать без конца.

(Малиновый пеликан)

Любить свою страну могут люди и хорошие и плохие, а вот кичиться этим чувством, торговать им и отрицать его наличие у других – этим занимаются обычно или дураки, или отпетые негодяи. *(Антисоветский Советский Союз)*

Коротко обо всем

Я честью дорожу, но совесть ставлю выше.

«Малиновый пеликан»

Я часто думал, почему в Союзе писателей так много бывших (и не только бывших) работников карательных служб. И понял: потому что они действительно писатели. Сколько ими создано сюжетов, высосанных из пальца! И каких сюжетов!

«Иванькиада»

Коммунисты — они ведь тоже вроде чертей.

Большая политика в основном из мелких интриг только и состоит.

— Со временем люди меняются.

— Чепуха. Они меняют предмет поклонения. Но при этом остаются такими же, как были.

Природа делит все живые существа, начиная от сперматозоидов и кончая высшими животными, на вожakov и членов стада.

Наше общество интересно тем, что все всё знают, но все делают вид, что никто ничего не знает.

«Москва 2042»